

тическое ядро историко-литературной модификации жанра // Модификации художественных форм в историко-литературном процессе: сб. науч. трудов Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. Свердловск, 1988. С. 5—22.

Лотман 1987 — *Лотман Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Языки культур и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3—11.

Мелетинский и др. 1969 — *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* К проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Вып. IV. Тарту, 1969. С. 86—135.

Мущенко и др. 1978 — *Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е.* Поэтика сказа. Воронеж, 1978.

Ожегов 1973 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд., стереотипное / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973.

Поспелов 1972 — *Поспелов Г. Н.* Проблемы исторического развития литературы. М., 1972.

Пропп 1946 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Пропп 1984 — *Пропп В. Я.* Обозначение понятия «сказка» на разных языках // Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 32—36.

Смирнов 1972 — *Смирнов И. П.* От сказки к роману // История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., 1972. С. 282—320. (Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27.)

Сомов 1984 — *Сомов О. М.* Были и небылицы / сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. М., 1984.

Топоров 1981 — *Топоров В. Н.* Хаос первобытный // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1981. Т. 2.

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284—310.

Федоров 1987 — *Федоров Ф. П.* Человек в романтической литературе: учеб. пособие. Рига, 1987.

Хаджиабдич 1971 — *Хаджиабдич Я.* Русская стихотворная сказка и французский conte XVIII — первой половины XIX века. Автореферат ... канд. филологических наук. М., 1971.

Царское село 1829 — Царское село. Альманах. СПб., Н. Кашин и Б. Розен, [1829]. [Т. 1. Царское село на 1830 год. СПб., [1829]. С. 148—156.

Шкловский 1990 — *Шкловский В. Б.* О Зошенко и большой литературе // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 413—419.

Эйхенбаум 1987 — *Эйхенбаум Б. М.* Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 409—424.

А. А. САВЕНКО
(Москва)

МОТИВ ДОБЫВАНИЯ НЕВЕСТЫ В СТРУКТУРЕ ЦИКЛА Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

В том или ином виде свадебная тема заявлена почти в каждой повести цикла, за исключением «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места». В каждом из произведений свадьба является развязкой любовной линии двух центральных героев. Рассмотрев все эти линии, можно проследить в них общую систему построения:

1) на пути соединения влюбленных встречается какое-либо препятствие (в «Сорочинской ярмарке» оно реализуется в образе мачехи Параски; в «Вечере...» — отца Пидорки, которому не по душе бедность и безродность Петруся; в «Майской ночи» — отца Левко, он же оказывается его соперником; в «Ночи...» преградой становится капризность и избалованность самой Оксаны);

2) для устранения препятствия герой прибегает к помощи нечистой силы (таинственного цыгана, Басаврюка — персонажа с неопределенным статусом, русалки, черта);

3) препятствие устраняется, и справляется свадьба.

Некоторым образом образом подобная схема напоминает структуру волшебной сказки, где «герой, прежде чем вступить в брак, должен преодолеть нелегкие испытания, соприкоснуться с разнообразными чудесными силами» [Зуева 1994, 221]. В зависимости от того, как герой поведет себя, встретившись с препятствиями, и каким образом он их преодолеет, сказка соответственно заканчивается наградой героя (как правило, это возвращение из «тридцатого царства» любимого человека) или его наказания. Последнее скорее относится к так называемым «ложным» героям, т. е. к тем персонажам, которые сталкиваются с «чудесными силами» намеренно, с целью получить ту же награду легким

способом, не потрудившись или обнаружив свои худшие качества, за что и получают достойное наказание. Своим происхождением сказка обязана древним мифологическим представлениям славян об окружающем мире, а в сюжетном плане отчетливо прослеживается связь с обрядами инициации, в основе которых лежит универсальная триада: жизнь — смерть (в сказке это путешествие в «тридевятое царство» — загробный мир) — новая жизнь (возвращение героя из мира мертвых преобразованным, в ином качестве и начало новой, часто семейной, жизни). Пройдя тяжелые испытания и проверку физической силы и моральных принципов в «ином» царстве, герой сказки покидает это пространство и возвращается в условно реальный мир, мир живых, с чудесно приобретенной невестой и женится на ней — таким образом, достигается цель древнего обряда инициации: превращение юноши в воина, главу семьи.

Сопоставив фабулы классической волшебной сказки (по функциям В. Я. Проппа [Пропп 2004]) и четырех повестей Гоголя, мы можем наглядно представить это сравнение следующим образом: (см. таблицу на с. 13).

Как видно из приведенной таблицы, общими сюжетными ходами и сказки, и повестей являются:

а) недостача как завязка действия, в повестях это выражено в нежелании, препятствиях сторонних лиц воссоединению главных героев (исключение — «Ночь перед Рождеством», где препятствием служит само поведение Оксаны);

б) уход из дома — «своего» пространства;

в) встреча с «дарителем», который за определенное вознаграждение предлагает разрешить проблемную ситуацию героя;

г) тем или иным способом «даритель» выполняет свое обещание, и герой получает невесту;

д) развязка — воссоединение главных персонажей.

Естественно, сюжетная структура повестей Гоголя не сводится к подобному схематичному построению любовной линии, основанной на фабуле волшебной сказки. Сказка — это базис, основа сюжетных ходов, но гоголев-

ским произведениям, не умаляя при этом безусловной значимости сказки, не присуща некая одномерность этого фольклорного жанра, его однозначная оценочность и условность. На повести накладывает свой отпечаток и мифологическая составляющая быличек как основного субстрата повестей, и литературная традиция, и современные Гоголю тенденции в отечественной и зарубежной словесности, и, само собой разумеется, мировоззрение и жизненная позиция самого писателя. Все эти компоненты должны учитываться при анализе матримониальной тематики цикла, в частности мотива добывания невесты в четырех повестях «Вечеров...».

Как мы уже отметили, на пути к браку героев встают различные препятствия: или социальное положение и отсутствие денег («Вечер накануне Ивана Купала»), или виды самого отца на избранницу сына («Майская ночь»), или нежелание мачехи выдать замуж падчерицу («Сорочинская ярмарка»), или, наконец, капризность и разборчивость самой девушки («Ночь перед Рождеством»). Все эти трудности вызывают определенного рода психологическое состояние главных героев повестей, которое и приводит их к тем или иным ситуациям. Так, Петрусь, узнав о том, что Пидорку отец собирает выдать за богатого ляха, говорит: «<...> будет и у меня свадьба: только и дьяков не будет на той свадьбе; ворон черный прокрячет, вместо попа, надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча — моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их. Но что я? на кого? кому жаловаться? Так уже, видно, Бог велел — пропадать, так пропадать!» [Гоголь 2004, 104]. Обращает на себя внимание стилистика речи Петруся, соответствующая традиционным формам народных причитаний. Центральной в ней является метафора свадьбы-смерти. В основе использования этой метафоры лежит идея инициации: умерших парня или девушку, не успевших вступить в брак, наряжали в свадебную одежду, символизируя этим их переход в новое состояние через умирание [Славянские древности 2004, 387] (в обряде инициации смерть была условной, в данном же ритуале — фактической). В причи-

Таблица

Волшебная сказка	«Вечер накануне Ивана Купала»	«Ночь перед Рождеством»	«Майская ночь»	«Сорочинская ярмарка»
1. Завязка действия				
Начальная беда (похищение, недодача), герой отправляется из дома	Петрусь не может жениться на Пидорке, поэтому обреченно решает умереть	Капризность Оксаны препятствует Вакуле жениться на ней; Вакула решает утопиться	Отец Левко не позволяет ему жениться на Ганне; Левко организует бесчинства, скрываясь от преследования, уходит из дома	Браку героев мешает несогласие мачехи Хиври, огорченный Грицько бродит по ярмарке
2. Встреча с дарителем				
Отправляясь в тридешатое царство, герой встречает дарителя, который снабжает его волшебным помощником или предметом (если выдержано испытание)	Петрусь с горя заходит в шинок, где встречает Басаврюка, который и предлагает ему решить проблему и получить в жены Пидорку	Передумав топиться, Вакула отправляется к колдуну Пацюку, однако функцию дарителя в его деле выполняет черт	Неожиданная помощь Левко приходит со стороны утопленницы	На ярмарке Грицько встречает цыгана, который за уступку в цене за волов обещает добиться согласия родителей Параски на свадьбу
3. Развитие действия				
Герой переправляется различными способами в тридешатое царство, похищением или боем добывает объект поисков и возвращается с ним домой	Петрусь использует предложенный ему Басаврюком способ — убийством Ивася добывает клад и тем самым получает невесту	Вакула с помощью черта попадает в Петербург, получает царские черевички и возвращается домой	За то, что Левко смог распознать ведьму среди утопленниц, панночка отдает ему грамоту, с помощью которой Левко добывается согласия отца на свой брак с Ганной	Цыган-«даритель» разрешает проблему Грицько двойным розыгрышем
4. Развязка действия				
Брак (которому могут предшествовать различные осложнения на пути героя домой)	Брак героев в данном случае не является развязкой, есть изображение послесвадебной жизни персонажей и в финале гибель Петруся	Брак и отчасти изображение счастливой семейной жизни	Предполагаемый брак	Описание свадьбы

тании Петруся воссоздается картина свадебного ритуала, однако при этом образы счастливой семейной жизни заменяются на традиционные символы несчастья, горя, смерти — ворона, орла в «гладком поле» и пр. Использование Гоголем именно народного причитания в качестве иллюстрации душевного состояния героя не случайно: в данном случае подчеркнутая традиционность изображения чувств персонажа, как бы вводящая его в круг исполнителей народной лирики, его желание умереть из-за невозможности быть рядом с любимой контрастирует с довольно быстрым согласием Петруся на сделку с Басаврюком и убийство невинного Ивасы. Причина этого резкого противопоставления кроется в прозвище Петруся — Безродный. Присвоенный главному герою эпитет актуализирует в повести тему родной земли, отсутствия почвы, безродности: «<...> работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери» [Гоголь 2004, 102]. Упоминание об отце Петро, который «и теперь на Запорожье», лишь усиливает момент отчуждения его от общества. Запорожье всегда довольно неоднозначно понималось в различных сословиях и этносах. Поскольку «в 1708 г. часть запорожцев вместе с гетманом Мазепой воевала против России, а затем и вовсе перешла на сторону Крымского хана» [Там же, 726], то «в начале XVIII в. (условное время действия повести) запорожцы в России почитались врагами, а всякого пойманного на границе запорожца вешали» [Там же, 726].

Безродство не характерно для украинского мировосприятия, особой чертой которого является осознание своей принадлежности к родной земле, батьківщині — «земле предков». На первый взгляд, основной семой слова является «передача традиций от отца к детям, преемственность поколений». Однако на Украине слово «батько» используется в самом широком смысле, и помимо значения родственных отношений, обладает семантикой «сильного человека, защитника интересов какой-либо группы людей». В связи с этим в истории Украины часто встречаются упомина-

ния о том, как казаки называют своих гетманов «батькой». Понятие «земли предков» вошло в нравственный кодекс казачества и означает защиту своей родины, отстаивание ее независимости, заботу о ее судьбе. Знаменателен и тот факт, что «тетка моего деда <...> всеми силами старалась наделить его родней», т. е. для народного сознания отсутствие предков, близких родственников является говорящим, тревожным свидетельством. Так и происходит: «неприкрепленность» Петруся корнями к родной земле, неимение собственного дома и семьи, статус вольнонаемного работника, — все это порождает шаткость душевного состояния, легкую подверженность моральному влиянию, неустойчивость моральный принципов, что и привело героя к трагическим последствиям встречи с Басаврюком.

Аналогичные ситуации мы видим и в других повестях. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у главных персонажей либо вовсе нет родственников (как у Петро и Грицько), либо кто-то один из родителей (как у Вакулы и Левко). Неустойчивость связи с родом, нарушение звеньев в наследственной цепи приводит к встрече с таинственными «дарителями». Но не это единственная причина: характер отношений со своими предками также является немаловажным фактором. Солоха известна в Диканьке как ведьма, значит, Вакула — сын ведьмы и тем самым «приходится немного сродни черту» [Гоголь 2004, 166]. Однако автор, во-первых, сообщает, что «кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых» [Там же, 151] и, скорее всего, не подозревал о двойственной сущности своей матери, во-вторых, о его взаимоотношениях с Солохой в повести и вовсе не упоминается. Таким образом, Гоголь не только сознательно отделяет, но и противопоставляет образ жизни Вакулы образу жизни его матери.

С другой стороны, отец Левко не связан с нечистой силой, но тем не менее конфликтные отношения сына с отцом накаляются до предела, когда Левко узнает в таинственном сопернике голову. Эта новость настолько потрясает героя, что он решается на двойной бунт — в социальном отношении (против голо-

вы села) и в личном (против отца). В итоге молодежные бесчинства, инициатором которых стал Левко, привели к тому, что, скрываясь от преследования отца, герой оказывается на берегу озера, где и встречает панночку-утопленницу. Ситуация, казалось бы, разрешается счастливо: нечистая сила в образе русалки помогает герою справиться с проблемой, его ожидает брак с любимой девушкой, — но помощь нечистой силы, по мысли Гоголя, не проходит для человека даром. Самым ярким доказательством тому служит финал «Вечера накануне Ивана Купала», но и в других повестях встречается «какая-то грустная и странная нота» [Манн 1996, 37]. В «Сорочинской ярмарке» изображение свадебного веселья нарушает лирическое отступление автора, в котором доминирует тема одиночества человека в огромном мире. В финале «Ночи перед Рождеством» возникает образ «дитя», которое при взгляде на картину, изображающую черта, «удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери» [Гоголь 2004, 184]. Этот образ символически иллюстрирует мысль писателя о беззащитности человека перед злом: образ ребенка наиболее показателен для определения истинного положения человека перед тем врагом, который в данном случае воплощается в картинном персонаже. Позже Гоголь в повести «Портрет» раскроет огромное влияние на человека образа, запечатленного на простом полотне, и покажет, что «именно это дьявольское искусство (т. е. сам портрет Петромихали. — А. С.) и обладает своим зловещим правом на вечность» [Дмитриева, Сапожков 2005, 312]. Наконец, тревожными мотивами наполнены слова Ганны из «Майской ночи»: «“Мне все что-то будто на ухо шепчет, что вперед нам не видаться так часто. Недобрые у вас люди: девушки все глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры стала суровее приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было”. Какое-то движение тоски выразилось на лице ее при последних словах» [Гоголь 2004, 113]. В конце повести все как будто бы благополучно разрешается: отец Левко дает согласие на свадьбу, сам герой желает царствия небесного

утопленнице, что, тем не менее, не совсем согласуется с православной традицией; в окружающем мире воцаряется гармония, как всегда у Гоголя подчеркнутая идеальным пейзажем, и в самой последней строке повести появляется слово «только», нарушающее сложившийся мир. «Изредка только перерывалось молчание лаем собак, и долго еще пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату» [Там же, 135]. По этому поводу Ю. В. Манн замечает: «Но этот Каленик <...>, остающийся один на фоне водворившегося мира, согласия и если не самого свадебного веселья, то его “идеи”, его предстоящего осуществления, — не является ли Каленик и вся эта сцена редукцией финала “Сорочинской ярмарки” <...>? А в более широком контексте — не являются ли бесконечные плутания Каленика редукцией древнего архетипа деформированного нечистой силой пути, обмороченного пространства» [Манн 2004, 236]. К этому мы можем добавить, что в финале названных повестей, кроме того, возникает образ одинокого или беззащитного человека, блуждающего в огромном мире.

Но это, по словам Н. В. Гоголя, «хвостики душевного состояния» самого писателя, его размышления, а вот что его приводит к изображению подобных финалов показано в сюжете самих произведений. Встречи с нечистой силой происходят именно с теми героями, у которых нет или ослаблена опора, почва, дом в широком смысле этого слова. Андрей Белый в своем импрессионистическом стиле выразил это так: «Тема безродности — тема творчества Гоголя <...> тема рода у Гоголя — тема земли (своей и чужой), которая расплавлена в “деде” <...> Тема безродности сплетена с “нечистой” силой, действующей на отщепенцев, потерявших землю, и ищущих кладов ее; основной клад, связь с родом, утрачен <...>» [Белый 1996, 63—65]. Проанализировав отдельные сюжетные ходы повестей, замечаем, что у главных героев ослаблена либо вовсе отсутствует связь с ближайшими родственниками — родителями, а отсюда — со своим родом, следовательно, со своими корнями, шире, народом, а вследствие этого — и со всеми людьми.

Становится понятным, что такой человек легче всего попадает под действие ирреальных сил, становится беззащитен перед силами зла.

Другая причина того, что герои подвергаются испытанию со стороны нечистой силы, — это само совершение греха или лишь помышление о нем. Так, Вакула собирается утопиться в проруби, но в последний момент, осознавая тяжкий грех самоубийства, решает обратиться за помощью к нечистой силе. Петро впадает в тяжкое уныние и в своем причитании помышляет о смерти, в подобном душевном состоянии он отправляется в шинок, где думает утопить свое горе в сивухе. В рассеянном и унылом расположении духа бродит по ярмарке и Грицько, когда к нему со своим предложением обращается цыган. Левко, в свою очередь, бунтует против своего отца и организует бесчинства. Таким образом, в каждом из этих случаев герои либо задумывают совершить грех самоубийства, либо впадают в греховное состояние уныния и отчаяния, либо, напротив, в гневе решаются на недозволенное действие (знаменательная характеристика: «парубки бесятся!»).

Обращает на себя внимание и место, в котором происходит встреча героя с «дарителем». В классической схеме волшебной сказки главный персонаж находит дарителя (выступающего чаще всего в образе Бабы-яги) в лесу. В. Я. Пропп объясняет это тем, что обряд посвящения происходил всегда в лесу. Мифологические и этнографические материалы указывают на то, что, по представлениям древних, «лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп 2004, 41].

Рассмотрим ситуацию в произведениях Гоголя. Универсальной моделью мировой культуры является «противопоставление “дома” (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) “антидому”, “лесному дому” (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [Лотман 2001, 313—314]. Все герои повестей покидают дом, «свое» пространство и входят в «чужой» мир.

В «Вечере накануне Ивана Купала» «чужим» является шинок, куда часто заходит Басаврюк и где он и встречается Петро. По народным понятиям, всякое место, где отсутствуют иконы, святые образа, считается нечистым, там находят себе пристанище инфернальные силы. Шинок как раз и является одним из таких мест, недаром туда часто захаживает «дьявол в человеческом образе» и «гуляет, пьянствует» [Гоголь 2004, 101]. В «чужом» пространстве шинка Петро поддается на уговоры Басаврюка и принимает его условия.

Сбежав от преследования, Левко оказывается на берегу пруда. Во-первых, пограничное расположение в фольклоре всегда считается принадлежащим нечистой силе, это граница между «иным» и «этим» мирами, обычно занимаемая потусторонними духами. Во-вторых, пруд как водное пространство представляет собой перевернутую реальность, как и зеркало: «<...> символ отражения и удвоения действительности, <...> наделяется сверхъестественной силой, способностью воссоздавать не только видимый мир, но и невидимый и даже потусторонний; в нем можно увидеть прошлое, настоящее и будущее <...>» [Славянские древности 1999, 321]. Тем самым Левко поневоле оказывается в опасном с точки зрения народных мифологических воззрений, пространстве, где и встречается с представителем нечистой силы — русалкой.

Грицько сталкивается со своим «дарителем» — цыганом — на ярмарке. Ярмарка как праздничное времяпровождение является периодом сакральным, наполненным присутствием ирреальных духов и потусторонних сил. Поэтому не случайно, что именно на ярмарке разворачивается история с чертом, ищущим свою красную свитку, а Грицько встречает цыгана — таинственного персонажа, который и выручает героя из беды. Черт предлагает Вакуле решить его проблему возле хаты Пацюка — также нечистого места, поскольку оно является обиталищем знахаря, т. е. человека, заключившего договор с дьяволом. Таким образом, все места, где герои встречаются с «дарителями», обладают определенным статусом в мифологии: они принадлежат «чужому»

пространству. Даль определяет слово «чужой» как «не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный» [Даль 1994а, 1373]. Тем самым степень отчужденности возрастает от родственных отношений до масштабов этноса, нации — «иноземный». Такими «чужими» во всех повестях являются «дарители». В волшебной сказке дарители могут быть представлены образами:

1) Бабы-яги — «классическая форма дарителя» [Пропп 2005, 36]. «Она дарит герою волшебное средство или волшебного помощника, и действие вступает в новый этап» [Там же, 197]. Образ дарителя становится катализатором развития дальнейших действий в сказке;

2) случайно встреченных героем стариков и старух;

3) благодарных животных;

4) благодарного мертвеца (встречается реже).

Как правило, кроме случая с Бабой-ягой, когда встреча происходит в лесу в избушке на курьих ножках, герой сказки сталкивается с дарителями на дороге, по пути в тридесятое царство. Но сказочные дарители — это всегда представители «этого» мира либо медиаторы, живущие на границе двух миров, но не переступающие дозволенного пространства. Единственный вариант, когда возможно возникновение в сказке персонажа, принадлежащего сфере нечистой силы, — это появление в качестве волшебного помощника черта. В гоголевских же повестях «дарителями» выступают персонажи, так или иначе связанные с потусторонним миром: Басаврюк, черт, панночка-утопленница. Что касается цыгана из «Сорочинской ярмарки», то его образ довольно неоднозначен. С одной стороны, в его облике присутствует ряд признаков, указывающих на его иномирное происхождение или, во всяком случае, связь с нечистой силой: «В смуглых чертах цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вместе высокомерное <...>. Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, вечно осененный язвительной улыбкой, небольшие, но живые, как огонь, глаза и беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий и умыслов <...>»

[Гоголь 2004, 85]. Подобный портрет включает в себя традиционный набор признаков, характерный для демонических персонажей русской и западноевропейской романтической литературы. В разряд героев байронического типа, «отличающихся каким-то фатализмом: это существа, выходящие из круга человечества; это потомки древних титанов, которые носят на челе своем как бы наследственное клеймо, печать отвержения, постигающего гордых и мятежных их предков» [Манн 1996, 117], вводит цыгана следующая характеристика: «<...> в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле — виселица» [Гоголь 2004, 85]. Итак, в этом образе соединяются несколько смысловых пластов:

1) фольклорный: восприятие цыгана — представителя другого этноса — как инородца и, следовательно, наделение его признаками иномирного существа (следует заметить, что в «Пропавшей грамоте» цыгане уже ассоциируются с нечистыми обитателями подземных недр: «В лесу живут цыганы и выходят из нор своих, ковать железо» [Там же, 140]);

2) современные Гоголю литературные тенденции: цыган изображается как типичный романтический герой, обладающий исключительными возможностями и окруженный таинственным ореолом;

3) вполне возможно, портрет героя заимствован из произведений немецких романтиков, в частности Э. Т. А. Гофмана («Игнац Деннер») и Л. Тика («Пьетро Апоне»).

Для определения смысла гоголевских повестей существенным оказывается не только статус персонажа-«дарителя», но и способ получения искомого, достижения цели. В сказке, прежде чем получить волшебное средство, герой подвергается испытанию. В зависимости от своей моральной состоятельности герой благополучно выдерживает испытание или терпит поражение. Положительные и отрицательные типы проходят испытания действиями, собственными поступками, но главное, какие нравственные качества они обнаруживают при этом. Для положительного героя «прежде все-

го это качество, противоположное эгоизму. Это умение понимать состояние и страдание другого существа, сострадание угнетенным, слабым, требующим помощи» [Пропп 2005, 203]. Следуя традиции фольклорного жанра, Гоголь также вводит мотив испытания героя, прежде чем последний достигнет своей цели. Однако в повестях прохождение испытания призвано не только продемонстрировать морально-нравственные качества героя, но ставит более серьезную задачу религиозно-этического характера. Поскольку «дарителями» оказываются представители нечистой силы, то и средства, способы, которыми они предлагают разрешить проблему героя, также лежат в плоскости взаимоотношения человека с Богом и силами зла, в вопросе веры и предательства. Особенно это касается повестей «Вечер накануне Ивана Купала» и «Ночь перед Рождеством». Ради того чтобы достать клад и жениться на Пидорке, Петро совершает тяжкий грех — убийство маленького ребенка, — который, конечно, не остается без возмездия. Автор подчеркивает, что наваждение, приведшее Петро к убийству, было вызвано видом золота, жадностью, овладевшей умом и сердцем героя: «Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, груды были навалены под тем самым местом, где они стояли. Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи...» [Гоголь 2004, 106]. Подобное развитие событий уже несколько ранее предсказывает следующий факт: «Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене» [Там же, 104]. Следует сказать, что противопоставление поведения Петро и «добраго человека» появляется лишь в окончательной редакции повести. Как отмечают исследователи, «во второй редакции повести Гоголь отказался от многих церковных реалий (например, от описания церкви Трех святителей, в чем некоторые комментаторы усматривают усиление в творчестве Гоголя темы пустующего храма, сокращения церковного начала в жизни за счет увеличения начала демонического)» [Там же, 712].

Данному утверждению соответствует и

отмеченный нами факт. Дело в том, что в словаре Даля слово «добрый» в таком сочетании, как «добрый человек, люди» имеет значение «добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу; мягкосердый, жалостливый <...>» [Даль 1994, 1101]. Указание писателя на то, что Петро ведет себя не как «добрый человек», который исправно ходит в храм к заутрене, является дополнительной характеристикой этого образа, изначально определяющей героя как, во-первых, человека, не склонного к добру, благу, а во-вторых, не ищущего в отчаянии утешения и защиты в вере, т. е. далекого от церковной жизни. Все это и предопределяет трагичный финал произведения.

Другой вариант развития событий после встречи с «дарителем», воплощаемся в образе нечистой силы, мы видим в повести «Ночь перед Рождеством». Силою крестного знамения Ваккула подчиняет себе черта и использует его в собственных целях. Между тем сравнивать образы черта и Басаврюка и степень их воздействия на героев повестей нам представляется нецелесообразным. Отметим, что черт из «Ночи перед Рождеством» представляет собой травестийный вариант нечистой силы, тогда как Басаврюк является «дьяволом в человеческом образе», с которым не может справиться даже служитель церкви — отец Афанасий, попытавшийся было наложить на Басаврюка «церковное покаяние». Однако для писателя важно другое: насколько человек предан православной вере, ищет в ней защиту и осознает, что с ее помощью может победить силы зла, какими бы могущественными они ни были. В своей публицистике — «Выбранных мест из переписки с друзьями», главе «Напутствие» — Гоголь напишет: «<...> призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем там. А потому ни на миг мы не должны забывать, что вышли на битву <...>. Всех нас озирает свыше Небесный Полководец, и ни малейшее наше дело не ускользает от Его взора. Не уклоняйся же от поля сраженья, а, выступивши на сражение, не ищи неприятеля бесильного, но сильного» [Гоголь 1984,

112]. Вакула даже в ту минуту, когда ему в голову приходит мысль о совершении тяжкого греха самоубийства, не забывает о церкви и своей обязанности ктитора и иконописца и завещает свое имущество церкви. Позже, по возвращении из Петербурга, Вакула опаздывает к заутрене и на обедню; по этому поводу автор замечает: «Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это верно Бог, нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать, в такой торжественный праздник, в церкви. Но однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год <...>» [Гоголь 2004, 182—183]. Можно сказать, что религиозное начало определяет мысли и поступки героя, поэтому в минуту искушения от нечистого духа он не поддается его влиянию, вспомнив про чудесную силу креста. Герой «Вечера накануне Ивана Купала», в свою очередь, в отчаянии опускает руки, не верит в возможность божественного заступления («Так уже, видно, Бог велел — пропадать, так пропадать!» [Там же, 104]) и потому с легкостью допускает уговор с дьяволом.

Покинув «свое» пространство и встретившись с «дарителями», герои оказываются в «чужом» мире. Исключение составляет повесть «Сорочинская ярмарка», где все основные события происходят в пределах ярмарки, что, в принципе, является определяющим фактором для понимания произведения. «Чужим» пространством в повестях выступают лес (сходство с функцией сказочного леса), берег пруда, а также Петербург.

Уже в раннем творчестве Гоголя образ Петербурга приобретает черты, характерные для этого образа в более поздних «петербургских повестях». В «Ночи перед Рождеством» он выступает в качестве «чужого» пространства, аналога тридцатого государства волшебной сказки. Петербург помещается Гоголем как бы вне вселенной, «своего» мира, поскольку находится за пределами Диканьки. «<...> как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сто-

рону Диканьки <...>» [Там же, 153] — в данном случае Диканька является осью, которая моделирует окружающее ее пространство и дает оценки. Уже в ранней повести Петербург Гоголя предстает как фантастический город, это еще не город-призрак «петербургских повестей», но изображаемая его жизнь неестественна, наполнена гротескными образами и иллюзорна: «Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли, и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш» [Там же, 175]. В своем изображении столицы Гоголь, а вслед за ним и Достоевский продолжали традицию устного петербургского рассказа — жанра городского фольклора. «Вся масса текстов “устной литературы” 1820—1830-х годов заставляет воспринимать Петербург как пространство, в котором таинственное и фантастическое является закономерным. Петербургский рассказ родствен святочному, но временная фантастика в нем заменяется пространственной» [Лотман 2001, 321]. Необычность построения и расположения города, созданного «вопреки Природе и находящегося в борьбе с нею», различного рода слухи, связанные с его происхождением, «эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий» [Там же, 321], концентрирующиеся вокруг его имени, — все это наложило отпечаток на характер петербургского фольклора. Эти особенности городской мифологии нашли отражение в литературе, которая создала свой «петербургский текст». В образе Петербурга раннего Гоголя можно обнаружить мотивы из устных петербургских рассказов, поэтика которых отразилась в видении Вакулой жизни столицы. Кроме того, подобное представление города совпадает с понятием сказочного пространства — тридцатым государством, куда главный герой мо-

жет попасть только с помощью волшебного помощника или средства.

Таким образом, мотив добывания невесты, который определяет содержание волшебной сказки, организует и фабульную линию повестей Гоголя. В некоторых сюжетных ходах линии сказки и цикла пересекаются, однако смысл все равно приобретают различный. В фольклоре весь процесс искания и добывания невесты имеет в своей основе прохождение юношей ступеней обряда инициации. Этому смыслу и подчиняются описываемые сказкой испытания героя, прохождение препятствий и пр. Гоголь придает сходным по функции сюжетным ситуациям качественно иную трактовку, имеющую религиозно-этический подтекст: преодолеваемая преграда на пути воссоединения с любимой девушкой, герой сталкивается с силами зла, и в зависимости от того, насколько он способен противостоять им, побеждает или проигрывает в этом столкновении.

Литература

- Белый 1996 — *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. М., 1996.
- Гоголь 1984 — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 9 тт. Т. 9. М., 1984.
- Гоголь 2004 — *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 тт. М., 2004. Т. 1.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1.
- Даль 1994а — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4.
- Дмитриева, Сапожков 2005 — *Дмитриева Е. Е., Сапожков С. В.* Н. В. Гоголь // История русской литературы XIX века. Ч. 2 (1840—1860 годы). М., 2005. С. 269—343.
- Зуева 1994 — *Зуева Т. В.* Волшебная сказка. М., 1994.
- Лотман 2001 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2001.
- Манн 1996 — *Манн Ю. В.* Динамика эпохи романтизма. М., 1996.
- Манн 2004 — *Манн Ю. В.* Н. В. Гоголь. Труды и дни: 1809—1848. М., 2004.
- Пропп 2004 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2004.
- Пропп 2005 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2005.
- Славянские древности 1999 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.*
- Славянские древности 2004 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3.*

Т. Н. ПОДЛЕВСКИХ
(Киров)

ФОЛЬКЛОРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В РУССКОМ ОЧЕРКЕ 1840—1850 годов

На сегодняшний день проблема взаимодействия литературы и фольклора продолжает оставаться предметом исследования исторического и теоретического литературоведения и фольклористики. Несмотря на традиционность данного вопроса, в последние десятилетия наука выдвигает все новые и новые аспекты для изучения. Актуализация проблемы взаимовлияния литературы и фольклора связана с появлением в научном мире понятия так называемой «третьей культуры» и усилением внимания к массовой литературе.

Процесс формирования «третьей культуры» был длительным и сложным. Середина XIX века — это период бурного роста городов, интенсивного формирования и расслоения городского населения. Культурная интеграция и дифференциация в городах протекала на социальном уровне. Каждый слой общества по-разному воспринимал меняющуюся картину мира, обретая собственные ценностные ориентиры в жизни. Так, в процессе развития капиталистических отношений складывались социокультурные особенности тех или иных групп населения, формировался определенный стереотип мышления и поведения сословий и особый, «городской», менталитет [Поздеев 2002, 6—68].

Зримое и целостное представление о социальной структуре русских городов в 40—50-е годы XIX века дает анализ газетно-журнальной периодики того времени. Многочисленные периодические издания расширили сферу воздействия печатного слова, распространяя просвещение среди городского населения и приобщая его к чтению. Периодика 1840—1850-х годов стремилась сформировать эстетические, литературные пристрастия у демократических слоев